

Он. Кто он такой? С одной стороны, он прекрасно помнит свою жизнь "до". Имя, фамилия, семья и работа. То, что есть правда.

Джонатан Сальери, американский итальянец выросший в штате Аризона и живший в Нью-Йорке. Холостой, не богатый не бедный, студент и рабочий. Кто он? Обычный человек, ничем не примечательный, кроме навыков в убеждении людей. Помнится, старший брат постоянно шутил на эту тему. Вроде звучало так:

— «Наш Джон, даже эскимосов в феврале убедит, что им жизненно необходимо купить снег.»

Успешный? Да... Ему пророчили великое будущее. Что ж, теперь понятно, что пророчества имеют свойство сбываться в обратную сторону.

Идти удавалось с трудом и даже поддержка рядом помогала плохо. Бок раздирало так, как будто его хорошенько поцарапал кот размером с тигра. Бинты, странно серые, опоясывали его начиная от груди и до самых штанов, свободно болтавшихся на бедрах. Все вокруг было то ясно, то мутно, что изрядно выбешивало, позволяя не сосредотачиваться на взглядах, которыми его провожали и на поддерживающей с одной стороны Микото.

Женщиной она оказалась красивой: черные как смоль волосы, глаза как черные омуты и бледная кожа. Традиционная японка, тем не менее обладающая необычной внешностью. Слишком широкий разрез глаз, слишком бледная кожа и высокий рост. Однако... при взгляде на нее, он постоянно вспоминал Анджелину — свою роковую красотку. Вспоминал и сравнивал.

Анджелина была светлокожей, но не бледной, а рыжие волосы напоминали маки. Такие же кроваво-красные. У нее были яркие голубые глаза, напоминавшие небо и глубокий океан одновременно. Она была стройной и хрупкой — такую хотелось защищать. А еще она была взрывоопасной. Он и сам не заметил, как улыбнулся. Она могла избить его книгой, отчитывать и гонять шваброй по дому, и в тоже самое время... она была чудесной.словно вся состояла из живого огня, гореть рядом с которым было для него счастьем.

Микото же напоминала ему мать. Тихая, немного грустная, но сильная, волевая и чуточку властная. Она была бездной, страшной и затягивающей в свои клешни. Слишком спокойная, от нее едва ощутимо тянуло смертью. Ее опоясывали бинты, рана находилась рядом с сердцем, поэтому странный, зеленый жилет был нараспашку. Тем не менее... что-то такое в ней все-таки было. Его мать, служившая по молодости в армии на востоке, тоже создавала такое ощущение. Женщина-загадка... женщина-смерть.

Еще один шаг и... мир перед глазами полетел сначала вниз, а потом резко вверх, когда Микото одним плавным, но быстрым движением заставила его выпрямиться.

— Скоро придем, потерпи немного. — Она ласково ему улыбнулась, на мгновение превращаясь

из суровой воительницы в мягкую и нежную... жену.

«Сильная.» — Мелькнула мысль, перед тем, как он снова погрузился в мысли, воспоминания, рассуждения.

Война. Он знал о ней лишь понаслышке. Слышал о всех тех ужасах, что творились в период между 1939 и 1945 годами. Но никогда не видел. Поэтому то, что он сейчас видел... поражало.

Страшно. Вот сейчас было действительно страшно.

Всю свою жизнь он провел в коконе мира и толерантности, когда все споры и недопонимания решал простой разговор, всю жизнь он слышал о военных конфликтах лишь в новостях и по скудным рассказам матери, смотрел фильмы, потому что понимал — война идет там, а он здесь. А сейчас он словно попал в ад.

Когда он решился открыть глаза в госпитале, то захотел опустошить желудок, судя по всему и без того пустой — его окружали живые трупы. Разодранные до костей, искалеченные и умирающие. Раны, хоть и аккуратно промытые, заживо гнили — видимо не хватало медикаментов и врачей. Судя по всему, Фугаку еще повезло.

На выходе из госпиталя он столкнулся с солдатом: его рука безвольно висела вдоль тела, лицо неестественно скривлено и обезображено — словно он побывал в центре пожара. Однако в шатер он вошел с гордо поднятой головой, сразу же кого-то окликаая. Оружие на его поясе задорно звенело, и Сальери вновь затошнило. Теперь уже было чем: Джоо-чан принесла ему странный свиток, а потом, поняв, что он не знает, что с ним делать, коснулась бумаги, и в следующее мгновение положила ему на колени скупой паек.

Когда первый шок прошел, он смог оглядеться. За тонкими стенами шатра мир был совершенно другим. Солнце, медленно опускающееся за горизонт, все еще освещало стоянку. Напротив госпиталя было что-то вроде площади. Утоптанная, широкая площадка заканчивалась лесом. В обе стороны от шатра госпиталя были протоптаны дороги. Одна вела в штаб, так по крайней мере сказала Микото, другая — в сторону временных жилищ. Судя по всему, в этом лагере Фугаку еще не был, поэтому женщина не скупилась на описания и заметки.

Почти сразу после госпиталя, по обе стороны дороги располагались "клановые" палатки. Они были расположены обособлено, и у них была собственная охрана, в отличие от рядовых палаток. В самом конце, почти у самого подножия горы, находился широкий луг, на котором обосновались простые (бесклановые) солдаты — шиноби или ниндзя. Вот они прошли каких-то Нара и Акаичи, и остановились напротив лужайки Яманака. Шаг влево, и вот они на "собственной" территории.

— То-сан? — Из центральной палатки вышел мальчик лет пяти-шести, с каким-то неверием и, в тоже время ожиданием, смотря на него. Стоп, это что? И есть его сын? Что он делает в таком ужасном месте? Почему ребенок находится в военном лагере?!

Из головы Джонатана автоматически вылетела просьба Микото "среагировать" на сына. Нет, он представлял увидеть здесь уже достаточно взрослого юношу, но не ребенка же! А может это все-таки не его сын? Боже, пожалуйста, пусть это будет не его "сын"!

— Фугаку. — Прошипела Микото, делая вид, что поправляет бинты. И он понял, что попал. Микото тем временем уже мягко улыбку сыну, кивая ему в сторону палатки. — Итаци, подготовь то-сану футон, поторопись.

Мальчик отмер, опрометью кидаясь обратно в палатку, а женщина, по-прежнему поддерживая его, недовольно посмотрела на него.

— Я, кажется, просила...

— Что здесь делает ребенок? — Шок, страх и паника наконец захлестнули его с головой, и парень не выдержал. Нервы откровенно сдавали, махая своему обладателю белым платочком. — Почему здесь... Итаци?

Если Микото и удивилась, то показала это только взглядом. Быстро, не обращая внимание на его шипение, она довела его до палатки и опустила на достаточно жесткий, но гораздо более мягкий (по сравнению с госпиталевскими) матрас. Мальчишка, опустив голову, стоял чуть позади, стараясь не смотреть на него.

Когда боль, испытанная от слишком быстрых, пусть и плавных, движений Микото, прошла, он устроился так, чтобы видеть обоих. Его возмущал факт наличия здесь маленького ребенка, но еще больше его возмущал взгляд якобы-его-супруги. Микото смотрела обвиняющие.

— Микото, — получилось слишком жестко, но он... паниковал? Вдох-выдох, они не виноваты в его страхе, нельзя срываться на тех, кто не виноват. Тем более, если это незнакомые люди. Вдох-выдох. — Прости...

— Фугаку? — Женщина вскинула брови.

— Я... — сказать? Да, он должен сказать, что он это не Фугаку Учича, что он из Америки. Должен, но... — Я не помню, ничего не помню...

Соврал. Хотя помнил, чем это заканчивалось в фильмах. Разочарованием. Болью. Но не соврать он тоже не мог — без поддержки Микото он вряд ли выживет в этом мире. А если она узнает правду... она возненавидит и отвернется. Наверняка. Он ведь, теоретически, занял место ее мужа.

— То-сан? — Итаци неожиданно оказался совсем рядом. Беспокойство. Этот маленький мальчик беспокоился за него... нет, не за него. За того Фугаку.

— Совсем ничего не помнишь? — Микото нервно сжала его руку.

Ему оставалось лишь кивнуть.

— Итачи, выйди пожалуйста. — Деловито, но, тем не менее, не теряя свой материнской мягкости и ласки, попросила Микото. Потом, когда сын вышел — спросила: — Ты потерял память абсолютно, или какие-то воспоминания все же есть?

— Абсолютно. — Под взглядом ее черных, испытывающих глаз ему становилось не по себе.

— Ты — Фугаку Учиха, старший сын одного из старейшин клана, — после недолгой паузы начала Микото. — Джонин, преемник Кагами-сана на пост главы клана, отец Итачи и мой муж.

Джонатан кивнул. Все сказанное Микото, кроме замысловатого «джонин», он понял.

— Мы с тобою участвовали в Третьей Мировой Войне Шиноби, но последний месяц мы провели в Конохе. Однако потом Кагами-сан решил пройтись по границам, помочь завершить войну на территории страны Огня... И ты захотел показать Итачи фронт, чтобы он пробудил Шаринган. Наше путешествие было относительно спокойным. Вы с Итачи посещали поля битв и недавних сражений, поэтому до Яку мы добирались дольше положенного... Мы были еще в дороге, когда на нас наткнулся отряд из Ивы. Битву мы выигрывали, когда лидер того отряда захватил Итачи.

Микото отвела взгляд, вздрагивая. Она до сих пор с ужасом вспоминала тот день, когда едва было не лишилась единственного сына. И, отчасти, винила себя в том, что слишком сильно отвлеклась на бой.

— Условием сохранения его жизни стало сложение оружия и добровольное пленение. Кагами-сан приказал сложить оружие и, когда шиноби Ивы расслабились, наши сделали рывок. Тебе удалось освободить Итачи, но ты был при этом серьезно ранен... Мы победили... но помощь пришла слишком поздно. Наши люди погибли раньше.

<http://tl.rulate.ru/book/38968/837124>